

..неправедницы правду осудиша...
 Биша злии добраго, нимало щадяще,
 сквернии в лице чисто плеваху, скверняще. (л. 600)

И се уже во гробъ лежит погребенный
 живот наш, яко мертвец, увы, помощенный.
 Умре Иисус, спасение наше,
 иже словом мертвыя от гроб воскрешаше.
 Умре жизни податель, паче жизнь самая,
 создавый животная в миръ всяческая. (лл. 600 об.—601)

(„Стихи в великую субботу“)

Этот же прием встречается неоднократно в «Похвале Евдокии» и в «Страстях Христа». Следует подчеркнуть, что в обоих произведениях на великую субботу содержатся очень близкие стихи:

Христе, боже истинный, пострадавый за ны,
 спасай от бѣд, соблюдай твоя христианы.
 Первых убо — великих православных царей,
 храни здравых и сильных русских государей... (77—80)

Спаси, Христе, помилуй чтущия тя люди,
 во всяких скорбных дѣлех сам помощник буди. (91—92)
 („Вѣрша в великую субботу“)

Христе, боже истинный, пострадавый за ны,
 спаси от бѣд, соблюдай твоя христианы.
 В первых же — благовѣрных и великих царей,
 православных роснейских славных государей. (л. 602)

Спаси, Христе, помилуй чтущия тя люди,
 вѣрным во благих дѣлех сам помощник буди. (л. 602 об.)
 („Стихи в великую субботу“)

Можно было бы отметить исключительно редкое для XVII в. стремление к инструментовке, спорадическую внутреннюю рифму и другие общие признаки стихотворений цикла.

Судя по текстам стихотворений и по ремаркам, автор был близок ко двору царя Федора, а затем — царевны Софьи. В 1681—1685 гг., насколько известно, в Москве подвизалось лишь два придворных поэта — Сильвестр Медведев и Карион Истомина. Б. В. Томашевский, разумеется, был прав, высмеивая поверхностные атрибуты произведений какому-либо известному лицу: «Иногда в основе такого приписывания лежит простое невежество и тяга к крупному имени. Оно отлично сформулировано Гоголем в „Записках сумасшедшего“ (запись 4 октября): „Дома большею частью лежал на кровати. Потом переписал очень хорошие стишки: „Душеньки часок не видя, Думал, год уж не видал; Жизнь мою возненавидя, Лъзя ли жить мне, я сказал“. Должно быть, Пушкина сочинение“». ⁴ Однако в данном случае, как кажется, не обойтись без подобного «приписывания», хотя я и сознаю недостаточность моей аргументации.

Язык стихотворений указывает на русского, а не выходца с Украины или Белоруссии, тем более Польши. Это обычный литературный язык XVII в., с изрядной долей церковнославянизмов, но лишенный каких-либо заимствований из польского и совершенно не похожий на «мову» Симеона Полоцкого. Тот же лексический материал находим в стихотворениях Сильвестра Медведева, в то время как Карион Истомина гораздо свободнее пользовался разговорными оборотами и даже просторечием. ⁵ Впрочем.

⁴ Б. В. Томашевский. Писатель и книга. Изд. 2. М., 1959, стр. 190—191.

⁵ Среди известных (опубликованных или описанных) произведений обоих поэтов нет ни одного из стихотворений нашего цикла. См.: И. Козловский. Сильвестр